

УДК 947.081

Е.А. Кулешова

ОБРАЗ СИБИРСКОГО КУПЦА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Исследуется образ купца, сложившийся в художественной литературе конца XVIII – первой половины XIX в. Выделены основные черты, свойственные представителям купеческого сословия, в изображении авторов-сибиряков. Показана степень художественной объективности писателей и её основные причины.

Ключевые слова: купечество, Сибирь, русские писатели, художественный образ.

Социокультурный облик сибирского купечества затрагивается в работах таких известных исследователей, как В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневский, В.П. Бойко, Ю.М. Гончаров, Н.Ю. Кошенова и др. [1–8]. Купечество Сибири как социокультурный феномен – явление особое и неоднозначное. Сложившееся в изначально свободном от крепостничества краю, выросшее из народной среды сибирское купечество сочетало в себе привязанность к народным традициям с предпринимательскими качествами, тягой к общероссийскому и западному образу жизни и манерам. Кто такой сибирский купец? Это, по большей части, выходец из народа, сумевший проявить предприимчивость, смекалку, а порой и просто воспользоваться удобной для захвата денег ситуацией. С одной стороны, это, как писали позднее в газетах демократического толка, «”чумазий”, непреклонный, упорный, бравирующий закон и совесть и привыкший деньгами замазывать всякие дыры, сквозь которые могли бы выйти на свет божий плохо заметенные следы» [9. С. 1495], с другой, как отмечали современники, «сведущий в науках... шибко умный и крайне добродетельный», владеющий несколькими языками, выписывающий столичные газеты, владелец отличной библиотеки [10. С.32].

Образ купца, сложившийся в творчестве русских писателей, имеет давнюю традицию. В первом периодическом издании Сибири «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», печатавшемся в тобольской типографии купцов Корнильевых с 1789 г. (первые четыре номера были напечатаны ими бесплатно), авторы журнала, ратуя за развитие промышленности, торговли, не могли оставить без внимания такие качества, свойственные многим купцам, как прижимистость, склонность к пьянству, восприимчивость к лести, простоватость. И жанры для высмеивания этих черт выбирались соответствующие: эпиграмма, басня. Большинство из них принадлежали перу П.П. Сумарокова, изда-

теля журнала, поэта, племянника известного писателя, дворянина, сосланного в Тобольск. В августовском номере за 1791 г., высмеивая скупость, автор наделяет героя эпиграммы говорящей фамилией Скрягин, другой носитель этого же порока грустит при мысли о приближении ночи лишь оттого, что придется жечь свечи. Склонный к пьянству Тит уже с утра выходит на улицу с фонарем, так как «...всякой раз предвидит, что до полуночи в шинке он просидит» [11. С. 54]. Другой автор, сосланный в Сибирь представитель крепостной интеллигенции, выслужившийся из солдат, организатор и преподаватель училищ Екатеринбургского полевого мушкетного батальона и Иркутского драгунского полка, поэт Н.С. Смирнов в аллегорической форме высмеивает простоватость, излишнюю толерантность: «Добросердечный был хозяин человек: ослу за дерзость не пеняет ... И в мыслях разсуждает: “Разумной человек, удобно может жить и с эдакой скотиной”...». И в заключение напоминает читателю о том, «что дружба сводить не должно со скотом» [11. С. 26–29].

В художественных «Записках» купца П.Т. Баснина, частично опубликованных его внуком, содержится описание и пояснение сибирских событий, что придаёт этому источнику особую историческую и литературную ценность. В «Мемориалах», как называл свой труд сам П.Т. Баснин, показан Иркутск начала XIX в., купечество выведено как сословие, целиком и полностью находящееся во власти деспотичного губернатора Н.И. Трескина. Сам П.Т. Баснин предстает как человек наблюдательный, просвещённый, правдолюбивый, искренне возмущающийся произволом губернатора и его свиты, бедствиями и беззакониями, творящимися не только в Иркутске, но и по всей Сибири. В то же время П.Т. Баснин осторожен, вынужден подстраиваться под законы времени, чтобы выжить, потому что «... никто не мог чувствовать себя спокойным за свою участь, достаточно было намёка, неосторожного слова, взгляда, чтобы по-

пасть в острог...». Поэтому и он «молчал, а сердце кипело», а когда не выдержал и «... такое гадине этой (Белявскому. – *Е.К.*) сказал», то пришлось отвечать лично перед Трескиным: «Не доносчик я, не ябедник, а честный купец» и, чтобы остаться на свободе, подношение делать Агнессе Федоровне – супруге Трескина [12. С. 544].

События первой половины XIX в. легли в основу романа довольно известного в те времена иркутского писателя И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» (1832). В нём выведены два диаметрально противоположных типа купца – честный, добродетельный, трудолюбивый Жолобов и не гнушающийся ничем ради наживы, жестокий, подлый Груздев. Несмотря на тщательно продуманный образ «одного из лучших тогдашних граждан» Жолобова, «величайший скряга» Груздев выглядит более реалистичным [13. С. 6–30]. Возможно, потому, что отрицательные черты, собранные в его образе, были характерны для большей части представителей сословия. В то время как добродетели Жолобова, также взятые автором с реальных личностей, были скорее ярким исключением. Но авторский идеал, как в типично романтических произведениях, на стороне мужественных, благочестивых героев. Поэтому в романах Калашникова торжествуют гуманность и справедливость, а невежество и предрассудки (т. е., по мнению писателя, зло) неизбежно наказываются.

В «Записках Иркутского жителя», изданных уже после смерти писателя, Калашников вспоминает события «сибирского» периода своей жизни (от первых годов XIX в. до 1823 г.). Первая их часть посвящена описанию иркутской жизни, вторая – известному историку Сибири П.А. Словцову. Образы купцов, представленные на страницах «Записок», очень реалистичны. Калашников повествует как об отдельных представителях этого сословия (купец Скоробогатов, человек с изысканным вкусом, «щеголеватый и даже несколько щепетильный» [14. С. 192]), так и об иркутском купечестве в целом: «...Всякая духовная процессия была торжеством целого города. Дух религиозный проникал равно во все сердца». И конкретизирует: «Иркутские купцы, в числе которых были и миллионеры ... весьма усердствовали к украшению монастыря». Автор пишет: «Самостоятельность, в первом десятке настоящего столетия, до приезда губернатора Трескина, особенно проявлялась в сословии купцов, составлявших аристократию Иркутска <...> Все они брили бороду и носили фрак» [14. С. 200]. В городе, где не было дворянства, именно купцы противостояли самоуправству местной администрации и нередко писали жалобы

правительству, которые довольно часто признавались уважительными (ситуация сильно изменилась, когда губернатором был Трескин – ссылка купцов Мыльников и Сибирякова, причастных к написанию жалобы в столицу). Калашников подчеркивает благотворительность купцов: купец Чупалов «добрый и простой, смиренный старичок», помимо многочисленных добрых дел, выстроил каменный дом для больницы. Купечество старшего поколения «предпочитало попойки», которые нередко заканчивались драками, «второе» поколение купечества пополнилось людьми образованными и «жаждущими науки» [14. С. 384]. Калашников неоднократно подчеркивает влияние губернатора на нравы и поведение представителей этого сословия: «После всех таких ударов, нанесенных рукою твердою и искусною, Иркутские купцы естественно пали духом и не могли долго опомниться». Зато: «По приезде в Иркутск генерал-губернатора М.М. Сперанского, иркутские балы совершенно изменили свой полуазиатский характер» [14. С. 212].

Знавший купечество не понаслышке (во время обучения в Тобольске жил в семье купцов Пиленковых – родственников матери), П.П. Ершов, учитель словесности, а в последующем директор Тобольской гимназии, ещё в черновой тетради к своей знаменитой сказке «Конек-горбунок», обнаруженной нами в фондах РГАЛИ, мелким убористым почерком, подмечая склонность купцов к быстрой наживе, писал: «... Гости лавки отворяйте, покупайте, продавайте, надзирателям сидеть подле лавок и смотреть, чтобы не было содому, ни давёжа... ни погрому, и чтобы купецкий род не обманывал народ. Гости лавки отворяют, покупальщиков сзывают: Ой, честные господа! К нам пожалуйста сюда! Как у нас ли тары-бары всяки разные товары» [15. Л. 33]. По примеру Пушкина он называет купцов гостями, иронизируя далее над их умением «нагреть» покупателя и остаться безнаказанными – по договоренности с «надсмотрщиками». Сказка, созданная 19-летним Ершовым, отражает свойственное ему стремление к идеальному, обличению несправедливости и обмана.

В повести П.П. Ершова «Дедушкин колпак» [16] из цикла «Осенние вечера» нарисован купеческий Тобольск. Главный герой повести – молодой купеческий сын Иван Жемчужин, после кончины родителей традиционно растративший отеческие капиталы. Разорившись и оказавшись без друзей, на грани отчаянья, только благодаря вмешательству мещанина И.П. Петрикова, вспыхнувшей любви к его внучке и его «волшебному колпаку» смог не только встать на ноги, но и вер-

нуть доброе имя, став почетным купцом. Вводя элемент сказочности, Ершов показывает, как природный ум, смекалка, умение сосредоточиться на поставленных целях (проявившиеся благодаря дедушкиному колпаку) – традиционные для купцов качества – способны принести достаток и привести к заветной цели. В повести обозначен духовный рост главного героя, постижение им ценности жизни и её основных проявлений. Образ Ивана в целом положительный: он довольно набожен, проявляет почтение к памяти родителей (прежде чем отправиться в долгий путь, посещает их могилу, служит молебен), вовремя смиряет свою гордость и идёт в сидельцы к хозяину (что являлось традиционным способом накопления капитала купцов того периода), постигает ценность дружбы, узнает цену заработанных денег и становится разумно экономным. Введены и купцы «старого покроя»: хозяин Жемчужина и его крестный, отличающиеся добротой, готовые оказать помощь и дать добрый совет: «живи себе честно да молись Богу, и все ладно будет». Оба оказали Ивану поддержку, когда тот взялся за ум.

В «Прогулках вокруг Тобольска» известный сибирский писатель и общественный деятель П.А. Словцов, подробно описывая флору, фауну, почвы Тобольска и его окрестностей, также даёт характеристику населения, показывает «...степень настоящих искусств, род забав и прививку гражданственности». Характеризуя Тобольск, подчеркивает, что «город выигрывает от прибавочного приумножения капиталов», и если до 1822 г. город «старился», хоть «купечество его и не роптало на Кяхтинскую торговлю», с деятельностью М.М. Сперанского «обновляется во внешнем показе, строится по лучшим чертежам» [17. С. 66]. С воодушевлением описывает П.А. Словцов тобольское общество: отдаёт дань проходящим там концертам, отмечает знание моды и вкус сибирячек, их умение вести домашнее хозяйство. С уважением упоминает купца первой гильдии М.А. Селиванова, пользовавшегося доверием всего общества. В то время как в «Письмах из Сибири», описывая свое пребывание в Иркутске, замечал, что «в Иркутске нет возможности удовлетворить потребности ума, имеющего нужду в беседе приличной степени просвещения и сану возраста. Беседуйте за картами или беседуйте во мраке своего уединения, вот условие, *sine qua non* (обязательное условие. – Е.К.)» [17. С. 20]. Такое мнение сложилось не случайно: к Словцову не благоволило местное начальство, поэтому чиновники и купцы остерегались его посещать.

Н.А. Полевой, происходивший из старинного, некогда богатого рода курских купцов, родился в

Иркутске, где его отец вынужден был заниматься винными откупами. Их семья отличалась своими культурными интересами. По свидетельству современников, отец интересовался политикой, выписывал все газеты, выходившие на русском языке, мать увлекалась чтением. Именно к этой семье принадлежали и Ксенофонт Полевой, известный в те времена журналист и литератор, и его сестра писательница Екатерина Алексеевна, в замужестве Авдеева. Из-за материальных затруднений Николай Полевой совмещал занятия литературой с участием в предприятиях отца, а после переезда в Курск – со службой в конторе богатого купца Баушева. В письме В.Ф. Одоевскому он пишет: «...я литератор и купец (соединение бесконечного с конечным)» [18. С. 501]. «Рассказы русского солдата» – по сути, очерки русской действительности – открываются зарисовкой из сферы купеческой жизни. Как известно, купцы много времени проводили в поездках по России. Ярко показана верность купцов привычному укладу – вместо езды на почтовых лошадях они предпочитают нанимать вольных: «Этот порядок езды идет издревле, с того времени, когда ещё не было на Руси ни почтовых лошадей, ни подорожен, и до сих пор ещё он сохраняется между купцами, несмотря на большие неудобства». В его описании купеческих привычек сочетаются легкая ирония, доброта и даже мягкость: «Купец обыкновенно едет целым домом; иногда везет с собой товар, всегда деньги и кучу постелей, подушек, ковров... запасов, припасов, на дождливое время шинель, на холодное тулуп, на морозное шубу и, кроме того, дюжину коробок, коробков... чемоданов, фляжек, кульков и проч., проч.» [18. С. 280]. Собственный жизненный опыт и взгляд на купечество наиболее ярко выразились в рассказе Н.А. Полевого «Мешок с золотом», в котором именно купцы помогают главному герою в сложной жизненной ситуации, оказываются милосердными и великодушными. Сначала это купец, дающий залог за сына Сергея, которого берет в работники, потом купец из меняльного ряда, наградивший Ванюшу за возвращение мешка с золотом.

В 30-е гг. XIX в. такие сибирские города, как Енисейск, Красноярск, Иркутск, активно развивались и застраивались за счет появления и развития здесь золотопромышленности. Купцы-меценаты способствовали развитию архитектуры, живописи, накоплению книжных богатств. В купеческой среде приветствовались научные и технические открытия, которые оказывали влияние на общество тех лет. Широкая панорама сибирской жизни, в особенности купеческого и мещанского сословий,

нарисована в «Записках и замечаниях о Сибири» Е.А. Авдеевой-Полевой [19]. Выросшая в купеческой, очень образованной семье, с детских лет она впитала в себя страсть к чтению [20. С. 143]. Выйдя замуж за состоятельного купца, Авдеева много раз путешествовала с ним по Сибири, накапливая материал о жизни и быте, главным образом, купеческого сословия. Его она несколько идеализирует, соотнося с образом жизни собственного семейства: пишет о деловой чести купцов, добропорядочности, патриархальной чистоте нравов, любви к чтению. По её мнению, старинный русский быт, соединенный со страстью к чтению, способствовал образованию оригинального и просвещенного иркутского общества, к которому относилось также купеческое сословие. Бытовой уклад купцов был примером жизни для остального населения сибирских городов в связи с отсутствием в Сибири потомственного дворянства. В то же время она с сожалением констатирует, что общий уровень образованности общества был весьма невысок. С удалением от центра меньше учености и светских манер, что в некотором роде компенсировалось большей человечностью и душевной порядочностью. Её «Записки», написанные простым, искренним языком, имели в своё время большой литературный успех.

Сын купца второй гильдии Н.А. Белоголовый в очерках вспоминает детские годы, об отце, об отношениях в семье. Отец «человек очень деятельный, замечательно умный и не останавливающийся ни перед какими жертвами, чтобы доставить нам наивозможно лучшее образование, что было тогда в Иркутске крайне трудной, почти невыполнимой задачей» [21. С. 235]. Пишет он о строгой дисциплине, домашней субординации, принятой тогда в купеческих домах. По воспоминаниям сына, отец был человеком, ценившим знание, начитанным, имел большую библиотеку, был «превосходный рассказчик, много видал на своем веку». Пишет Белоголовый о всеобщем уважении, которым пользовался его отец, о частых поездках отца по стране, об общении с декабристами. Как человек прогрессивный, он «чуть ли не первый знакомил Иркутск с разными новинками и открытиями, которые только ещё появлялись тогда в Европейской России. В очерках подчеркивается важность семейного уклада, воспитания, общего культурного уровня семьи для становления характера. Причины, по которым все иркутское купечество проявляло, по мнению Белоголового, большее стремление к образованию, чем российское, заключались в том, что большинство купцов «состояло из недавних выходцев из той же внутрен-

ней России, почти исключительно из Вологодской, Вятской, Архангельской губерний, а так как в далекую Сибирь пускались люди способные, предприимчивые, не удовлетворявшиеся рутинными и тесными рамками местной торговли и стремившиеся в Сибирь, как в отдаленную страну, где их способности и энергия могли найти более обширное поле для применения, то, таким образом, естественно образовывался подбор людей умных и деятельных, любивших работать мозгами, а не сидеть сложа руки» [21. С. 285]. Многочисленные разъезды купцов сами по себе служили хорошим «развивающим средством». Так, по подсчетам сына, купец Белоголовый 7–8 лет своей жизни провел в пути. И большинство иркутских купцов вело подобную разъездную жизнь, так что летом город даже пустел. Выработке более прогрессивных личностей в иркутском купечестве способствовало, по мнению Белоголового, и то, что в Сибири при отсутствии крепостного права не было помещного дворянства. Общество составляли два сословия: чиновники и купцы, и, перемешиваясь, они «сближались теснее, и это вело ... к ещё большему развитию купцов и их общественной равноправности. По этой же причине выдающиеся личности (например, декабристы) приобретали в Иркутске общие симпатии, их «пропаганда необходимости образования встретила такую подготовленную почву, что стала быстро приносить плоды». И купцы старались дать своим детям полноценное образование, зачастую отправляя в пансионы (таким образом получили образование в Москве сыновья купца Баснина, братья Белоголовые). И для детей этот отрыв от родного крова способствовал выработке «нравственных характеров... придавал им большую энергию и выдержку» [21. С. 286].

Несомненно, сибирское купечество было заметным и уникальным явлением в истории развития края. Оно привлекало к себе внимание сибирской общественности. Из художественных произведений можно составить портрет сибирского купечества первой половины XIX в., где присутствует как идеализация его облика, так и преувеличение его недостатков и пороков в связи с разной степенью художественной объективности писателей и разными причинами, её порождающими. Эта тема начиная с 90-х годов прошлого столетия приобрела актуальность для современной России, переживающей становление купеческого сословия, хотя и в новом качестве, поэтому перед современными исследователями стоит задача нарисовать объективную картину жизни и деятельности купечества, и произведения художественной литературы играют здесь важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиновьев В.П., Дмитриенко Н.М.* Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: АГУ, 1995. С. 191–203.
2. *Зиновьев В.П.* Менеджеры Сибири. XIX – начало XX вв. // К истории предпринимательства в Сибири: Матер. Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. С. 38–42.
3. *Зиновьев В.П.* Родюковы // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-экономическая жизнь и культура. К 70-летию чл.-корр. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1997. С. 86–94.
4. *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск, 2007. 308 с.
5. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск, 2000. 280 с.
6. *Скубневский В.А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1, 2.
7. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. 358 с.
8. *Кошенова Н.Ю.* Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
9. *Сибирская газета.* 1886. 7 дек.
10. *Александров М.* Воздушный тарантас, или Воспоминания о поездках по Восточной Сибири // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875–1876. Т. 1.
11. *Иртыш* превращающийся в Ипокрену. 1791. Авг.; 1790. Январь.
12. *Баснин П.П.* Из прошлого Сибири. Мученики и мучители // Исторический вестник. 1902. № 11.
13. *Калашиников И.Т.* Дочь купца Жолобова. Роман, извлеченный из Иркутских преданий. Иркутск, 1985. 640 с.
14. *Калашиников И.Т.* Записки Иркутского жителя // Русская старина. СПб., 1905.
15. *Ершов П.П.* Стихотворная сказка Ершова Петра Павловича «Конек-Горбунок», приметы, пояснения снов и т.д. Тетрадь списков // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 214. Оп. 2.
16. *Ершов П.П.* Дедушкин колпак // Сузге: стихотв., драматич. произвед. и проза. Иркутск, 1984. 464 с.
17. *Словцов П.А.* Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. // Письма из Сибири. Тюмень, 1995.
18. *Полевой Н.А.* Избранные произведения и письма. Л., 1986. 580 с.
19. *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен. М., 1837.
20. *Виноградов Г.С.* Е.А. Авдеева. К 75-летию со дня смерти // Советская этнография. 1941. № 5.
21. *Белоголовый Н.А.* Воспоминания сибиряка // М.С. Знаменский, Н.А. Белоголовый. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Иркутск, 1988. 560 с.